

КАНИСТРА С БЕНЗИНОМ

Автострада давно осталась далеко позади. Луна дробилась и таяла на лобовом стекле — сеял мелкий частый дождик. Человек, сидевший за рулем, выключил «дворники». Выключил зажигание. Надо было выходить из машины под дождь. Вставать и идти. Бежать во весь дух, спотыкаться о корни в темноте ночи, раздвигать руками ветки мокрых кустов, ощупью искать дорогу, оступаться, попадая неловкой ногой в ямы и рытвины. Надо было очень спешить.

Но человек за рулем не двигался с места. Смотрел на лобовое стекло, на застывшие «дворники», на луну — там, далеко, высоко и близко, очень близко, здесь, перед самым взором. Он думал о том, что ему делать. И как при этом остаться живым. А еще он думал о том, что его новые итальянские ботинки совсем непригодны для скитаний в дождь по заброшенному кладбищу.

В ночи ухнула сова. Человек за рулем вздрогнул — сова ли это? Ведь он, всю жизнь проживший в городе, никогда не видел и не слышал сов въяве, только по телевизору. Он вообще, оказывается, слишком мало видел и слышал и толком не представлял себе реальности. И от этого прежнего инфантильного «непредставления» сейчас, здесь можно было сойти с ума. Просто рехнуться — от собственной глупости, слепоты, непонимания очевидного.

Человек открыл дверь машины, вылез, сунулся в багажник. Достал увесистый ломик — единственное свое оружие самообороны. Крепко сжал, чтобы почувствовать

холод металла и его тяжесть. Если потребуется, он без колебаний сокрушит этим ломом, этой святой палицей череп любому, кто нападет, кто попытается его остановить.

А остановить его попытаются. Всеми доступными способами — это он знал. Ведь для них, для тех, за кем он мчался вдогонку по ночной автострате, сейчас слишком многое поставлено на карту. А для него? Что поставлено на его карту? И какая именно это карта?

Он достал из багажника заранее заготовленную пятилитровую канистру с бензином. Проверил в нагрудном кармане рубашки зажигалку. Что, если она подведет в самый последний момент? Огонь не вспыхнет в ночи, не охватит жадным пламенем то, что должно быть сожжено и уничтожено. Немедленно уничтожено, едва лишь будет выкопано из этой влажной, жирной, тысячи раз удобренной органикой кладбищенской земли. Надо было бы еще захватить с собой и спички — на всякий случай, для подстраховки. Но он об этом не подумал и сейчас, стоя под дождем в странной скованной нерешительности, отчаянно ругал себя за этот промах. Ругал так, словно от этого зависело все.

Но вот наконец, преодолев себя, он шагнул в темноту, забыв и про открытый багажник, и про невключенную автосигнализацию. Все это было из другого мира — привычного, обыденного, повседневного и тут в ночи, под дождем, после сумасшедшей двухчасовой гонки по шоссе уже совершенно нереального. Реальность была только здесь. Мокрая листва коснулась его мокрого лица. Пахло сиренью. Человек начал осторожно продвигаться вперед, прокладывая себе путь через густые кусты. Канистра с бензином оттягивала левую руку. В правой был зажат лом, и раздвигать ветки его налитой увесистой тяжестью было совсем несподручно. А идти надо было долго. В темноте все ориентиры лгали, но человек помнил: идти по этим зарослям от дороги до самой лощины у подножия холма.

Заросли сирени кончились, сменились боярышником, затем пошел еще какой-то колючий кустарник. А потом

на пути снова темной массой встали сиреневые кусты. Мокрая цветочная гроздь оказалась у самого его лица. Человек коснулся ее губами. Цветы, привкус меда... Привкус сладкого меда старых могил. Он перевел дух и снова двинулся напролом. И через пару шагов едва не напоролся животом на низкую железную ограду. Грозья и прежде, вверх торчали острые ржавые пики. За ними из темноты выступал покосившийся крест. Вот она, окраина кладбища, — значит, он не заблудился, дошел.

Снова над головой ухнула сова. Издали послышался глухой скрежет, потом удар — будто где-то не близко, не рядом лопатой ударили по камню.

Человек замер. Его прошиб холодный пот. Они уже там, на месте. Значит, они опередили его, подъехали с той стороны, рискнув спуститься по крутому откосу с дороги.

Человек начал торопливо продирается через кусты. Он сунул лом под мышку и на ходу отвинтил крышку у канистры. В нос ударило бензином, от толчка бензином плеснуло на брюки.

Впереди в ночи возник желтый свет. Он слепил глаза — там была машина. Фары включили. При свете фар копать было гораздо удобнее, чем при помаргивании жалких карманных фонариков. Человек снова замер — глаза, дьявол... Ничего не видно. Этот желтый свет... Он посмотрел вверх — дождь, луна. Она высоко стоит над рощей, над кладбищем, над холмом, полями и дорогой. «Луна, сирень... Какая же тут кругом сирень — царская, волшебная. Какой от нее чудный аромат... Боже, какой аромат... Боже, боже мой, сжался надо мной, я не могу, не хочу идти туда, к ним, мне не хочется умирать, мне не время еще умирать, я не могу, не могу, я не сумею...»

Человек едва сдержался, чтобы не застонать. Стиснул зубы, приподнял канистру, судорожно нащупал в кармане зажигалку. Вот сейчас это случится. Ничего, та минута — минута паники — прошла, и он снова контролирует себя. Он сможет, он сделает это. Вспыхнет огонь — сначала робкий оранжевый всплеск зажигалки, искра кремня, а потом багровый маяк, костер. И то, что выкопано из

этой вонючей могилы, сгорит дотла и уже никогда больше не явит себя миру, не причинит вреда.

Человек резко щелкнул зажигалкой. Он был готов — в раскисших ботинках, на которые было уже плевать, в насквозь промокшей рубашке, с канистрой и ломом, он был готов сражаться не на жизнь, а на смерть.

Вороватый огонек на мгновение осветил кусочек ночи — глянец мокрой листвы, спутанные ветки и... преграждавшую путь, изготовившуюся к броске приземистую фигуру на расстоянии нескольких шагов. Мелькнуло лицо, обезображенное кривой, похожей на оскал улыбкой. Человек вскрикнул от неожиданности и ужаса. Его ждали! Его ждали здесь, в засаде, на подступах. Он ничего не успел предпринять, не успел замахнуться ломом, не успел защититься. Жестокий удар сбил его с ног. Канистра отлетела в сторону. Бензин разлился. Человек упал навзничь и почти моментально почувствовал, как сверху на него навалилась мускулистая тяжесть. Он попытался вырваться, молотя кулаками вслепую, брыкаясь, извиваясь, стоня от ужаса и отчаяния. Но ничего сделать уже было нельзя — словно гигантское осиное жало впилось ему в живот. И вонзилось еще и еще. Последнее, что он ощутил, был вкус крови во рту. Луна подмигнула ему зеленым кошачьим глазом. И медленно растворилась во тьме — уже навечно.

Глава 2

БРАГИН

Время, время — что это такое? Песок, ускользающий сквозь пальцы, прошлогодний снег, дождик четверга, рак на горе, посылающий громким трехэтажным свистом всех подряд в даль светлую. Это та самая дырка от бублика. Тот самый след на берегу, смытый волной. Лицо без морщин и подтяжек, не изуродованное вторым подбородком. Тело без плечи. Совесть без пятен. Победа без поражений.

Память без снов о прошлом, без портящих кровь полночных терзаний о том, как должно было быть, но не получилось.

Не получилось что? Жизнь? Карьера? Успех? Стержень, который все крепко держал и вдруг в одночасье крак! — и сломался.

И все полетело вверх тормашками — под откос, подгоняемое пинками времени, — все быстрее, все ниже, все безнадежнее. И как положить этому конец? Что сделать, что предпринять? Покончить со всем разом одним выстрелом в висок? Или сделать над собой усилие, не стрелять, а попытаться... только лишь попытаться, попробовать... попробовать повернуть время вспять и пробить собственной бессмертной душой брешь в его тягучей вечной структуре. Брешь, что станет лазейкой в прошлое, податливое, как глина, подвластное переменам.

Надо сказать, что за свои тридцать семь неполных лет Антон Петрович Брагин никогда, ни единого дня не увлекался философией. В институте, перед экзаменами, как и все студенты времен развитого социализма, конечно же, почитывал конспекты с чахлыми выкладками из классиков марксизма, мог кое-что в двух словах вспомнить и про господина Гегеля, и про господина Канта, даже помнил, что жили. Были такие на свете Аристотель с Платоном и чему-то там учили под ясным солнцем Древней Эллады, пачками превращая варваров неумытых в эллинов просвещенных. Знал он, естественно понаслышке, и о теории относительности, но никогда не имел желания докопаться до ее сути. А о времени как о категории судил только по наручным часам — дорогим, престижным, естественно, фирмы «Ролекс». Вот секундная стрелка чинно описала полный круг, и время, значит, того, пошло, отсчитывая вехи рабочего дня — долгого, напряженного, сумасшедшего, суперудачного в смысле капиталовложений и прибыли.

Во времена, когда Антон Петрович Брагин носил на запястье золотой «Ролекс», служил он в солидной фир-

ме — центральном офисе металлургического гиганта общероссийского значения «Стальпрокатконсалтинггрупп».

Кто в Москве не знал могучий, похожий на вздыбленный айсберг, увенчанный светящейся голубой пирамидой, новый небоскреб «Стальпрокатконсалтинггрупп», воздвигнутый меньше чем за полгода у Павелецкого вокзала, в деловом треугольнике между Садовым и высотными зданиями «Юкоса» и «Сити-банка»? Стекло-стальная высотка была воистину красивой — как гигантская палочка Коха, парила она над Москвой, над рекой, над вокзалом, над площадью, над Кольцом и его составляющими: машинами и всеми этими махонькими муравейчиками — пешеходами, поделенными волей судьбы на москвичей и приезжих, на льготников разных категорий, на имеющих карточку москвича и лиц без регистрации, на трезвенников и пьяниц, семейных и одиночек, торопящихся по своим делам и праздных лентяев.

Кабинет Антона Петровича Брагина — в те времена одного из менеджеров-брокеров — помещался на девятнадцатом этаже здания. И вид из панорамного окна открывался знаковый — простор небес, силуэты кремлевских башен в мгlistой дымке смога, а внизу броуновское движение, мешанина и хаос, вонючие выхлопы и пот, духота, теснота, неустроенность.

Металлургический гигант «Стальпрокатконсалтинггрупп» просуществовал восемь лет, превратившись из небольшого объединения в очень перспективную, динамически развивающуюся, прибыльную компанию — монополиста рынка. Превращение сначала шло на пользу, а потом подвело — «Титаник» потерпел крушение.

О черном месяце декабре (правда, по другим сведениям, это был октябрь) Антон Петрович Брагин вспоминал с болью. Нет, не только с болью — с горячим внутренним протестом — казалось, весь мир с утра пораньше опупел! Встал с ног на голову. В одни сутки прокуратурой был арестован весь совет директоров компании и руководители первого звена, а также менеджеры — управленцы региональных предприятий. Говорили о масштабном мо-

шенничестве, о финансовой пирамиде, о незаконных сделках с собственностью и еще о ста пятидесяти пяти грехах уголовного характера. И почти в одночасье четкий, отлаженный годами управленческий механизм замер — словно по золотым швейцарским часам трахнули молотком. И посыпалось, посыпалось, посыпалось — колесики, винтики, менеджеры, агенты, секретари-референты, специалисты по маркетингу, юристы и программисты, инженеры и техники — все, кто работал в компании, получал жалованье, чувствовал крепкую почву под ногами. Все, кто смело смотрел в будущее, брал кредиты на покупку квартиры, на строительство загородного дома, на образование детей в европейских университетах, на все то, что было целью и смыслом существования.

Винтики и колесики сразу стали никому не нужным барахлом. И одним таким потерянным винтиком в то скорбное темное время чувствовал себя, еще не веря в случившееся, Антон Петрович Брагин.

На черный день, конечно, кое-что скоплено было. Кое-что... Но деловая карьера, с таким трудом и упорством выстроенная, рухнула на пике взлета. Хрустальные осколки ее хрустели под ногами конкурентов, как простое битое стекло. И давили все, давили эти бедные осколки без жалости — все, кто завидовал, у кого не ладилось, кто пыжился, да не мог обскакать.

Именно тогда, в минуту самого острого отчаяния, Антон Петрович Брагин и задумался впервые о сущности времени, его неумолимом беге и о соотношении в его паутине прошлого, настоящего и будущего.

Память сыграла с ним злую шутку. Он помнил все восемь лет своей успешной карьеры так ясно, так отчетливо, что порой до мельчайших подробностей восстанавливал весь ход событий какого-либо отдельно взятого дня, смысл всех бесед, последствия всех телефонных звонков, встреч, переговоров, анализировал и оценивал, сопоставлял и делал выводы. Он помнил все дни, проведенные в своем кабинете на девятнадцатом этаже. Но жгуче, до сердечной боли сожалел только об одном дне. Сейчас, по-

сле глобальной катастрофы, было уже очевидно — то был совершенно особый день, день великого шанса — увы, навечно упущенного шанса. Этим шансом можно было воспользоваться. Должно было! Но по ряду причин, а в сущности, только лишь из-за своей глупой щепетильности и непростительной трусости он, Антон Петрович Брагин, не воспользовался.

Такой шанс — а это знают многие связанные с бизнесом, с крупным бизнесом, потерпевшим крах, — редко выпадает дважды. Те, кто умеет это понять, становятся богатыми и уже никогда больше никому не служат, а уезжают в Ниццу или на Карибы, покупают виллы на Ибике, яхты, самолеты, путешествуют, переезжая из одного всемирно известного отеля в другой.

Те, кто не умеет это понять, — что ж, они спокойно спят до определенного момента, потому что их совесть чиста и не запачкана подлогом, служат в компании, мечтают о прибавке жалованья, о карьерном продвижении, аккуратно являются на работу, выкладываются по полной и считают, что им, собственно, повезло, потому что у них вроде бы есть все, что причисляет их к серенькому среднему классу — без особых запросов, но, слава богу, и без долгов по кредитам.

Шанс был прост, как все великое и гениальное. И состоял он в том, чтобы ПРОСТО в один конкретный день — тот самый, конечно, — использовав служебное положение и возможности компании, весьма удачно сыграть ее акциями на бирже, заработать состояние, вывести его, опять же используя служебное положение, на счет в зарубежный банк, а затем спокойно вернуть компании то, что ей принадлежало. Схема была нехитрой, однако рискованной. Антон Петрович Брагин знал людей, которые в сходной ситуации рисковали и оказывались в мгновение ока в числе баловней судьбы. Но знал он и тех, кто рисковал и проигрывал и ломал себе жизнь возбужденным по фактам мошенничества и подлога уголовным следствием и сроком в тюрьме.

Но дело-то было в том, что мошенничество и так бы-

ло! — из-за него рухнул металлургический гигант, о нем трубили газеты, по поводу него ломали копья в суде защита и обвинение. Так что на этом фоне можно было бы... Не только можно, нужно было бы! И совесть — злой червяк — могла быть спокойной. Ну, хоть отчасти...

Но время, время — день тот великий, проклятый, пятница 17 августа, — было безвозвратно потеряно! А с ним и шанс, и схема биржевых торгов, и финансовый рынок, и конъюнктура, и метод временного изъятия части ценных бумаг и запуск их в оборот — все, что с математической точностью было обдумано и просчитано в теории в тиши кабинета на девятнадцатом этаже, но так и не стало реальностью.

Время смыло ту пятницу — семнадцатое вместе с великим шансом, вместе со всеми надеждами. Как море, время смыло и самого Брагина и выбросило его на берег уже никем и ничем — бывшим менеджером бывшей фирмы, получившим уведомление об увольнении «вследствие реорганизации компании и сокращения штатов».

С той поры навязчивой идеей и самым заветным желанием Антона Петровича — рационалиста и прагматика, технократа и управленца до мозга костей, никогда не проявлявшего никакого интереса ни к философии, ни к религии, ни к мистике, ни к оккультизму, стала идея об обратимости времени и способе вернуться в собственное прошлое, чтобы твердой рукой раз и навсегда исправить ту роковую, глупейшую ошибку. Все это, конечно же, было маниловскими мечтами — в полусне, на горячей влажной подушке, — он это отлично понимал, он же не был параноиком, но...

Порой объективная реальность, данная нам в ощущении, тихо звереет от своей вызубренной наизусть веры в собственную материальную непогрешимость и делает экстравагантный финт — оборачивается даже к самым отвязным рационалистам и прагматикам самой загадочной своей стороной.

Случилось так, что в жизни Антона Петровича Брагина произошли некие события, заставившие его поверить

в то, что для исполнения его самого заветного желания — снова вернуться в прошлое, в ту самую пятницу — семнадцатое, — существует путь. И это стало для него огромным потрясением — сначала. А потом превратилось в цель, достичь которую следовало во что бы то ни стало.

Глава 3

САУНА

Можно было относиться к этому как к знамению свыше: понятая упала в обморок, едва лишь переступила порог помещения, где начинался осмотр места происшествия.

Но начальник отдела убийств областного уголовного розыска Никита Колосов в знамения свыше не верил принципиально и отреагировал на инцидент сухо:

— Несите ее на воздух. Дайте ей нашатырь из аптечки. А сюда давайте другого понятого. И не барышню кисейную, а мужика.

Однако и новый понятой — водитель случайно проезжавшей мимо грузовой машины, остановленной оперативниками, сорокалетний здоровяк, грубиян и выпивоха, тоже отреагировал на увиденное на месте неадекватно: побелел как полотно и попятился назад.

— Ни хрена себе... мужики, да че ж это такое? Да этого быть не может. Как же это они... кто ж их так ухайдакал?! Мать моя командирша, меня ж щас стошнит! Как же это случилось-то, а?

Так и случилось. Никита Колосов был поставлен перед фактом: среди ночи его поднял с постели звонок дежурного по главку: на пороховом заводе в Скарятине — четыре трупа. «Четыре, Никита Михалыч, копейка в копейку, — крикнул молодчага дежурный. — Многовато».

Сообщение якобы поступило по телефону от охранника. Из местного отделения милиции на пороховой завод выехал наряд ППС и опергруппа. «От них сведения

какие-нибудь уже поступили?» — спросил Колосов дежурного. «Да никаких. Вас туда немедленно требуют. Говорят, ситуация в этой сауне неопределенная — какая-то чертовщина там».

Уж так вышло, что в подмосковный поселок городского типа Скарятино Никита Колосов никогда за всю свою богатую практику не выезжал. В окрестностях бывал, и не раз, а вот само Скарятино лицезреть не доводилось. Поселок испокон веков обслуживал пороховой завод, бывший в оные времена режимным объектом. Но вот уже девятый год завод был закрыт на реконструкцию. А режимная зона вокруг него была отменена. Ехать в Скарятино предстояло к черту на кулички: сначала почти шестьдесят километров по шоссе через мост на Москве-реке в направлении Мамонова-Дальнего, а затем делать крюк по объездной дороге почти до самой границы области.

Колосов был готов к чему угодно, но увиденное весьма ощутимо полоснуло по нервам даже его.

Словечко «сауна», запущенное в оборот дежурным по главку, заставило его по дороге в Скарятино поломать голову. При чем тут сауна, когда место, куда он направлен старшим опергруппы, — пороховой завод? Но оказалось все просто: часть более-менее еще пригодных для эксплуатации корпусов администрация завода сдавала в аренду под склады и торговые терминалы. А в помещении бывшего заводоуправления, фасадом выходившего на магистральное шоссе, открылось нечто вроде магазина автозапчастей пополам с игорным заведением. И тут же в отдельном одноэтажном флигельке предприимчивые арендаторы оборудовали коммерческую сауну. Приземистый флигель был крыт красной металлочерепицей и обшит сайдингом — все вроде чин-чинарем, по-европейски. Но на фоне угрюмых облупленных корпусов бывшего порохового завода эта еврохибарка производила какое-то странное, нелепое впечатление.

Когда Колосов прибыл на место, было почти четыре часа утра. У флигелька стояло не меньше десятка патрульных машин. Синие «мигалки» их вспыхивали син-

хронно — как гроззовые зарницы. Чересчур яркая для такой глухомани световая реклама «Игровые автоматы Супершок», радугой переливавшаяся над входом в бывшее заводоуправление, окрашивала предутренний сумрак в какие-то совершенно фантастические, марсианские тона. И было как-то необычно тихо. Возможно, потому, что местная ГИБДД предусмотрительно перекрыла шоссе, ведущее к заводу, направляя редкий ночной транспорт в объезд.

Над входом в сауну Колосов прочел лозунг: «Добро пожаловать, с легким паром!» Сбоку на бумажке было вывешено расписание работы и условия аренды сауны «отдельными клиентами и корпоративными группами».

«Добро пожаловать!» — Колосов повторил про себя это стебное пожелание, хмыкнул и вместе с бригадой экспертов ЭКУ и патологоанатомом прошел внутрь. На первый взгляд внутри все было уютно и очень даже мило — стены, пол, потолок обшиты светлым деревом. Передняя, холл-предбанник с кожаными диванами, телевизором и холодильником. Верхний свет погашен, горят только красные бра, создавая сонный интим. На узких окнах — ажурные решетки и глухие жалюзи. На полу, на диванах — спортивные сумки и ворох мужской одежды. Тут же четыре пары модных стильных кроссовок разного размера. На широком низком столике возле диванов — бутылки с минеральной водой, сок в пакетах и никакого алкоголя — ни водки, ни пивных бутылок. Нет и закуски. В одной из спортивных сумок, поставленной посреди комнаты, — пластиковые бутылки без этикеток с прозрачной жидкостью — вроде обыкновенная вода. Об эту сумку едва не споткнулся близорукий патологоанатом.

— Что это? — спросил он удивленно. — Зачем с собой в баню кому-то потребовалось взять такое количество воды?

Это была первая деталь, которая...

В общем, которая заставила Колосова задуматься, что же, собственно, они все наблюдают здесь, на месте этого

происшествия? И что это увиденное означает на самом деле?

Из холла-предбанника можно было пройти прямо в сауну-парилку. Воздух здесь до сих пор дышал жаром, но сама парилка была пуста. Фактически она была проходной — из нее можно было либо вернуться в предбанник, либо, открыв тугую дверь в углу, попасть в просторную душевую. Порог душевой первым переступил Колосов и... замер потрясенный. Сзади напирала члена опергруппы, стремившиеся быстрее покинуть парилку, где нечем было дышать. Вот в этот самый момент, когда все застыли на пороге между жаром и прохладой, распространяемой бассейном, занимавшим центр душевой, бедная понята, испуганно вскрикнув, и рухнула без памяти на кафельный пол. Стоявший рядом с ней опер даже не успел ее подхватить — как и все, задрав голову, он смотрел на то, что висело под деревянным потолком над самым бассейном.

Четыре голых мужских трупа в петлях. Концы веревок перекинута через толстые трубы вентиляции, пересекавшие потолок. Голые ноги повешенных почти по щиколотки — в воде бассейна.

Колосов смотрел на багрово-синюшные лица мертвцов — в них не было уже ничего человеческого. Подбородок одного из повешенных был густо вымазан засохшей кровью, что придавало ему сходство с упырем, вернувшимся с ночной охоты.

— Да, картина, — шепнул один из экспертов, щелкая цифровой камерой. — Как же это их так сумели повесить? И как нам теперь их оттуда снимать? Опереться-то не на что — вода!

Колосов вздрогнул и перевел взгляд на темную гладь бассейна. Да, свидетелем такой картины он был впервые. Голые тела отражались в воде белыми бесформенными пятнами. Бассейн был невелик — как раз по меркам сауны, примерно три на четыре метра. Выложенные белым кафелем стены, дно. Сбоку лестница — спуск — и что-то темное, громоздкое в воде у противоположного борта. Колосов, не отрывая глаз от повешенных, обогнул бас-

сейн, нагнулся — на воде слабо покачивалось что-то похожее на резиновый плот. Он не сразу понял, что перед ним надувная кровать-матрас из тех, что рекламируют в телемагазине.

Послышался шум снаружи — это к сауне подогнали пожарную машину. Пожарные и милиционеры ППС тащили раздвижные лестницы-штурмовки. Однако потребовалось не менее часа и недюжинная акробатическая ловкость, чтобы при помощи этих штурмовок, удерживаемых на самом краю бассейна, добраться до тел и осторожно обрезать веревки, не повредив при этом ни петель, ни крепких, весьма причудливой формы узлов.

И вот на кафельном полу перед Колосовым в ряд, как солдаты, лежали четыре трупа.

— Да, хоровод нам с этим десантом с того света предстоит еще тот, — констатировал судмедэксперт.

И точно — хоровод с удавленниками в остывающей сауне бывшего порохового, а ныне никакого завода Колосов запомнил надолго.

Мертвецы все были как на подбор крепкие молодые ребята лет этак двадцати: белокожий блондин ярко выраженной славянской внешности, рыхлый толстячок — шатен с несоразмерно развитым для парня тазом и толстыми ляжками, шупленький брюнет-коротышка и четвертый — наголо бритый, мускулистый, но на криминальную личность похожий мало — тот самый, прикусивший в жестокой агонии собственный язык.

— Морг-шапито, да и только, — снова резюмировал судмедэксперт, заботливо склоняясь над мертвецами. — Поди ж ты, сколько за один раз. — Он начал осмотр. — Ну-ка, Никита Михалыч, взгляните-ка сюда.

Уже через двадцать минут вахтового осмотра с Колосова градом лил пот. Пришлось скинуть хлопковую толстовку, остаться в футболке. Бассейн в центре душевой манил прохладой, но при одном взгляде на эту воду Колосова пробирала дрожь. А взгляд уже скользил по бортам, по облицованным белым кафелем стенам душевой вверх и каждый раз упирался в вентиляционные трубы. Душ-

ный спертый воздух хранил запах нагретого камня, смолистого дерева, дорогого мыла и пота, но вместе с парами сауны в нем словно витало что-то грозное, нечистое — скрытый смертельный вирус, которым не дай бог заразиться.

— Давность смерти всех четверых одинаковая, составляет примерно шесть часов, — констатировал судмедэксперт. — Все произошло около полуночи. Сами видите, Никита Михалыч, у всех потерпевших ярко выраженные странгуляционные борозды на шее. Вот у этого, — он указал Колосову на шатена, — судя по всему, перелом гортани. Возможно, и у остальных повреждения аналогичные — переломы гортаней и подъязычных костей. Это покажет вскрытие. Но уже сейчас могу с большой долей вероятности сказать — у всех четверых налицо признаки механической асфиксии прижизненного происхождения.

— Что же их, Василь Василич, по-вашему, всех четверых одновременно вздернули? Если давность смерти у всех одинаковая, — вмешался один из экспертов-криминалистов.

Судмедэксперт Василь Василич взглянул на молчавшего Колосова:

— А ваше мнение, коллега?

Колосов смотрел на трупы: кроме глубоких странгуляционных борозд в области шеи и прокушенного языка, у потерпевших не было никаких иных телесных повреждений. В ходе долгого осмотра они не обнаружили ничего — ни ссадин, ни кровоподтеков, ни порезов. У блондина славянской внешности на левом предплечье имелась татуировка, рисунок которой показался Колосову довольно странным — ничего общего с обычным набором тюремных картинок или сюжетами, предлагаемыми салонами татуажа.

— Ну так каково ваше мнение, Никита Михалыч? — тихо повторил вопрос судмедэксперт. Он явно просил подтверждения выводу, который для него был уже почти очевидным.

— Не похоже, чтобы их кто-то вздергивал, — хмуро

сказал Колосов. — Взрослые парни. Никто их не бил, не связывал — никакого физического воздействия на них не оказывалось.

— Внешне никаких следов. Но, может, вскрытие даст иные результаты. — Судмедэксперт снова склонился к телам. — Запаха алкоголя ни от одного из потерпевших не чувствуется. Может, тест на наркотики что-то выявит?

— Полагаете, что всех их повесили в состоянии наркотического опьянения? Довели до беспомощного состояния и потом убили? — спросил эксперт-криминалист. — Но как технически это могло быть выполнено? Как они не утонули в бассейне?

— Наличие воды в легких установит или опровергнет вскрытие. — Судмедэксперт пожал плечами. — Но я вообще не наблюдаю никаких визуальных признаков того, что они находились в бессознательном состоянии. Напротив — обратите еще раз внимание на характер странгуляционных борозд, на следы, которые оставлены на шеях всех четверых узлами веревок. По крайней мере, по этим следам с большой долей вероятности уже сейчас можно утверждать, что тела всех четверых потерпевших в момент наложения петель находились в вертикальном положении.

— То есть вы хотите сказать — все они стояли? Это где ж это? Здесь, в бассейне? — хмыкнул эксперт-криминалист. — Но это невозможно. Хоть бассейн и неглубокий — это невозможно.

— Никита Михайлович, а вам не кажется, что... — Судмедэксперт не договорил, словно опять не решаясь произнести вслух свою версию происшедшего.

— Василь Василич, вы помните дело Гуридзе? — спросил его Колосов. — Инсценировка самоубийства в Ногинске?

— Конечно, помню. Чистейшей воды была инсценировка. Его избили, задушили шнуром от видеомангитфона, а потом уже повесили на люстре, инсценируя суицид. Нами были зафиксированы множественные гематомы в области грудного отдела, брюшной полости и...

— Этот Гуридзе, он ведь по комплекции своей был примерно как вот этот? — Колосов указал на бритоголового мертвеца.

— Да, пожалуй.

— И весьма активно сопротивлялся.

— Без сомнения. Когда его пытались удушить шнуром. Побои были нанесены в ходе драки его убийцей, чтобы полностью подавить сопротивление.

— А дело Павловой из Столбов помните?

— И его помню. Мрак кромешный. — Судмедэксперт поморщился, словно укусил что-то кислое. — Мать-наркоманка сначала утопила в ванне своего двухгодовалого ребенка, а потом повесилась на балконе сама. Там никаких следов физического насилия на ее теле обнаружено не было. Типичнейший суицид.

— Тут у нас тоже следов нет ни на ком. — Колосов смотрел на тела. — Каков же вывод?

— Ну, аналогия не слишком-то убедительная...

— И все же?

— Я же вам говорю: мне тоже кажется, что это коллективное самоубийство, — как бы нехотя буркнул судмедэксперт, — но без результатов вскрытия всех четверых я даже обсуждать это пока не хочу.

— Коллективное самоубийство? — Колосов переспросил это так, словно никак не ожидал услышать такое. — Василь Василыч, а разве такое вообще бывает?

— Не иронизируйте, тут смерть — и какая, я вам скажу, смерть, в полушаге от нас. — Бывалый судмедэксперт поежился. — Брр, ну и поганое место. Вроде полнейшая стерильность, чистота — баня, сауна. Медом вон пахнет и деревом струганым, а у меня... а я... За все тридцать лет службы не было со мной такого. Словами не опишешь, насколько поганое это место. Двух минут лишних, если бы не работа, я бы тут не провел.

— Это точно. — Колосов кивнул. — Так, значит, по-вашему, вполне может быть коллективное самоубийство четверых, да еще в бане?

— Я вот все думаю, как они исхитрились завязать на

этих трубах свои веревки? — вопросом на вопрос ответил судмедэксперт. — Над самым бассейном. Стоя на краю, никак не дотянуться. Мы вон с лестницами сколько мучились. А без лестниц вообще невозможно. Дьявольщина какая-то! Ведь не при помощи левитации они туда все взмыли из воды?

— А может, им все же кто-то помог? — Колосов обратился к своим подчиненным из отдела убийств: — Заканчивайте тут и вызывайте труповозку. Татуировку, что на плече у этого вот, сфотографируйте как можно четче. Чудная картинка, но по нашему банку данных все же проверим — а вдруг да совпадет с чем-нибудь. Я сейчас займусь их вещами. А потом осмотрим вон ту улику в воде.

— Диван-матрас? Зачем он тут, в бане? Здоровый, плавать на нем в бассейне никак невозможно. К тому же он бракованный, худой, — хмыкнул эксперт-криминалист.

— Ты не рассуждай, а сфотографируй мне этот матрас в бассейне. А потом, когда вытащим, тщательно обрабатывай мне эту резину надувную на дактилоскопию.

— Есть такое дело, Никита Михайлович. Только сначала, раз уж вы с осмотром тел закончили, я пальцы потерпевшим откатаю.

Колосов вышел в холл. Итак, теперь на очереди вещи погибших — сумки, одежда, барахло. В дверь просунулась голова в милицейской фуражке — местный мамоновский участковый, поднятый по тревоге и примчавшийся из поселка на допотопном мотоцикле.

— Товарищ майор, тут у нас двое, кто трупы обнаружил, — охранник сауны Пестунов и его приятель — сторож складского терминала Зуйко Семен. Оба вдугаря, заразы, не протрезвеют все никак, — оповестил участковый. — Я им говорю: что ж вы на работе-то квасите? У вас такие дела под самым носом творятся, а вы... Это они в отделение-то звонили, милицию вызвали. Менеджера сауны я тоже хорошо знаю — Хухрин его фамилия. Дозвонился я ему только что на сотовый, разбудил. Он подъедет сюда — ему мной уж приказано. Он говорит, мол, не знаю ничего. Я ему: как это ты не знаешь, кто у тебя баню на

ночь снимает? А он говорит: не я, мол, заказ этот на аренду принимал, а менеджер-диспетчер наш Борисова Мария Захаровна. Я за ней послал младшего участкового. Она в поселке Красный Маяк живет. Далековато. Ничего, к утру ее Перепелкин привезет, из-под земли достанет. Вы там закончили осмотр, да? Так я пойду еще раз на них гляну — на жмуриков-то... Может, кого и признаю. С первого раза-то, как висели они, не узнал... М-да, ну и дело. Сроду у нас такого не было. Сколько живу, сколько работаю... Это чтобы сразу четверых. — Он просунулся еще больше в дверь. — А может, вам тут с досмотром вещей помочь?

— Идите, старший лейтенант, смотрите, может, кого-то узнаете, — сказал Колосов.

— Может. — Участковый покосился на дверь сауны. — М-да... Первый-то раз, как вошел туда, прямо обалдел. Никогда так себя не чувствовал — подумал, спазм сердечный. — Участковый медленно пересек холл. — Да нет, не признаю я их. Нездешние они.

— Вы же их толком не разглядели.

— Сейчас погляжу. Конечно, погляжу... А если пришедшие они, ну, с Москвы или, скажем, калужские? Не на метле ж они верхом сюда прилетели? Автобусом если? Или на машине. Так тогда машина должна стоять ихняя тут, у сауны, а ее нет.

— Нет машины? — спросил Колосов. — Точно нет?

Но прояснить этот важный вопрос он для себя в разговоре с участковым и местными оперативниками не успел. И ознакомиться с вещами потерпевших — тоже. Зазвонил мобильный — похоронный марш, мелодия, специально выбранная для так называемых деловых звонков.

— Никита Михайлович, — услышал он голос дежурного по главку, — что за сутки сегодня — прямо беда. И снова по вашему профилю.

— Что еще стряслось?

— Еще один труп.

— Где?

— На территории заброшенного кладбища в заповед-

нике Мамоново-Дальнее — это каких-то километров двадцать от вас.

— Что, тоже повешенный? — спросил Колосов.

— Туда вторая опергруппа из местного территориального отдела уехала. Подробности пока неизвестны. Но, судя по всему, труп явно криминальный. Начальник УУР просил передать вам, что ваше присутствие и там необходимо.

Было восемь часов утра. За окном сауны вовсю уже распевали птицы. А по небу тучными стадами бродили свинцовые тучи — с юга тихой сапой надвигался на Москву новый циклон.

Глава 4

ДРАКОН

Дракон проснулся, открыл пасть, зевнул и захлопнул ее, как гигантский капкан. Солнце, пронзившее лучами густую листву, играло на драконьей чешуе радужными бликами. Каждая чешуйка была размером с чайный поднос сочно-изумрудного цвета — Иван Канталупов видел все это своими собственными глазами и, как всегда, мечтал подкрасться к чудовищу поближе, чтобы дотронуться до его роскошной глянцевой чешуи, до острых шипов, усеявших хвост, которым дракон с одного удара валил вековые дубы в долине.

Однажды подкрасться и коснуться Ивану Канталупову удалось. Чешуя дракона оказалась гладкой и бархатистой на ощупь, как женская кожа, как нежная кожа Ирины, медом тающая под ладонями...

Ивану Канталупову снова, в который уж раз приснился все тот же сон. Дракон — сказочная тварь с клыкастой пастью. И вновь во сне он вспомнил Ирину.

До службы в армии Иван Канталупов безвыездно проживал в славном русском городе Мышкине, что на Волге, по которой день-деньской плавают теплоходы с туриста-

ми. В тишайшем Мышкине драконов не было и в помине. Там издревле царила мышка-норушка, ставшая местным коммерческим брендом. Мышей Иван Канталупов не выносил и с детства гильотинировал мышеловкой. А дракон ему нравился всегда. Дракон, дракон, дракон... Он повторял порой про себя это слово, как заклинание: дракон, дракон, дракон...

После службы в десантных войсках он вернулся в родимый Мышкин и женился на своей однокласснице Оле Митрохиной, что верно, без всяких там закидонов ждала его. Он был у жены своей первым и единственным — он доподлинно знал это и какое-то время страшно этим гордился. Через год после свадьбы родился сын Игореха. В июльскую ночь, необычайно сладкую, душную, когда они с женой в трудах, в поту и восторгах соорудили себе наследника, Ивану Канталупову и пригрезился впервые воочию дракон. Он спал в горном ущелье, под сводами древнего леса. Огромная, как дом, рептилия была настоящим чудом. Канталупов во сне хотел подойти к чуду поближе, потрогать эти его потрясающие зеркальные чешуины и шипы. Но побоялся страшных драконьих зубов — во сне.

В апреле родился сын. Жена Ольга полностью растворилась в обретенном материнстве, начала толстеть как на дрожжах, стала адски говорливой, ревнивой и как-то в момент поглупела и опошлилась, чем крайне разочаровала Ивана Канталупова, который к этому времени крепко встал на ноги и вообще был о себе очень высокого мнения.

У Канталуповых в Мышкине было пруд пруди родни. Дядя Ивана по матери работал в местной администрации. И сумел выхлопотать для племянника льготы на банковский кредит и аренду помещения под небольшой продуктовый магазин в самом центре городка — на торном и благодатном туристском маршруте. Иван Канталупов водки в рот не брал — только пиво, деньги считать умел и на ветер их не бросал, обладал ушлой сметливостью и коммерческой жилкой, и поэтому предпринимательство у него

(может, и с благословения дядьки-чиновника) пошло в гору. Магазинчик превратился в, пусть и небольшой, «универмажек». Если приедете или приплывете на теплоходе в славный Мышкин-град, то от пристани сразу вверх на главную улицу. А тут рядом с наполовину еще отреставрированным собором и трактиром в стиле а-ля рюс — торговое заведение Ивана Канталупова: продукты, промтовары, хозтовары, товары для дома, сувениры для туристов, пиво-воды-вино, мини-салон сотовой связи (а как же!), металлоремонт и комнатуха, где стоят компьютеры с доступом в Интернет, — все под одной крышей, на небольшой площади, компактно и очень удобно.

Предприятие окупилось и стало давать доход через два года. Иван Канталупов переехал с женой в новый двухэтажный дом на высоком берегу Волги, купил подержанный внедорожник, новую мощную моторку, скатал с семьей в Сочи, в Египет и в Таиланд и начал всерьез считать, что жизнь удалась.

Но дракон, дракон, дракон спал-дремал вполглаза, ждал своего часа где-то там, в сумрачном ущелье, среди мха и влажных камней...

А потом произошло это самое дело. Только вот тут с хронологией у Ивана Канталупова было что-то не ахти. Дракон ли уже проснулся, открыл пасть, зевнул и захлопнул ее, как гигантский капкан, едва не прокусив насквозь солнце над Волгой? Или же сначала к пристани Мышкина причалил четырехпалубный туристский «Константин Коротков»? Или все это произошло одновременно, сплетаясь в неразрывное целое? Солнце-то над Волгой жарило — это точно. Огненный шар плыл, казалось, над самой водой. На «Короткове» играла музыка. А Иван Канталупов просто проезжал мимо пристани на машине — просто мимо, по своим делам. С теплохода на берег валом валили туристы. И в их чужой беззаботной толпе он и увидел ее. Ирину. Он сразу остановился, ну просто невозможно было ехать мимо — непременно в столб врежешься, когда перед глазами такое. Такая...

Она шла в компании подруг, но шла так, словно была

одна в целом мире — очень высокая, гибкая, как лоза, с рыжими волосами, такими обильными, длинными, шелковистыми, что аж делалось страшно. И сердце так и екало в груди — мать моя родная, да неужели же это наяву, а не в кино?

А походка у нее была такая, что вообще... А глаза сероголубые... На черный пыльный внедорожник, загородивший дорогу, она взглянула мельком, с досадой — конечно, москвичка коренная, удельная, видела она и не такие тачки и, наверное, каталась в них по Москве с поклонниками-женихами. Иван Канталупов за рулем в то мгновение (господи боже, а дракон-то, дракон уже проснулся, встал на свои кривые лапы и начал принюхиваться к запахам леса, чуя добычу!) совсем не привлек ее внимание. Да и как было привлечь? Внешность у Ивана Канталупова была самая обыкновенная — ну здоровяк, силой бог не обидел. Молодым парнем был еще так, ничего, не урод. Ну а сейчас тридцатник разменял — волосы поредели, пришлось стричься коротко, ежом, лысину маскировать. Живот от пива давно округлился, щеки, подбородок сытостью налились. Как тут удержишься? Торговля своя, продукты свежие, хорошие, аппетит генетический по деревенской родне — что ни дай, всего мало. И вообще, на что тут любоваться — морда красная, как у всех толстяков от жары, нос еще в давней мальчишеской драке перебить спроворили, руки сильные, хваткие — гвозди из досок рвут на спор, но пальцы, как на грех, — сосиски сосисками. А тут еще печатка на мизинце золотая — самая что ни на есть провинциальная «шикуха». И костюм спортивный «Адидас» вот с такими лампасами. В Мышкине-то красота красотой, а как такой женщине стильной, столичной поглянется?

Да никак. Она просто отвернулась, вскинула на плечо смешной модный рюкзачок, подняла над головой видеокамеру — Волгу снимать, теплоход, пейзаж. И вот тогда-то Иван Канталупов ее окликнул. Выпил до этого с друзьями пива, а потому был храбр — трезвым бы не решился ни в жизнь. Окликнул: «Девушка!» Выпалил залпом то, что

думал, что вертелось на языке: «Какая же вы красивая». И с ходу, словно в родную Волгу бухнулся, — предложил, пока «Коротков» стоит у причала, показать ей и ее друзьям Мышкин, прокатить всю компанию на машине. Она посмотрела на него с удивлением — однако заметила, отделила от мышкинского пейзажа. Пожала плечами. А тут, на счастье, две ее подруги подкатились и еще мамаша подруги с десятилетним сынком-оболтусом.

Он взял в свой большой внедорожник всю эту шоблу — ради нее одной. Провез их по Мышкину от пристани до музея Мыши, провез по берегу Волги. Они фотографировали, болтали, смеялись. А он... он чувствовал, что с ним творится что-то неладное, чудное, невероятное, большое... Ликование и страх, счастье и снова страх — вот сейчас они вернутся к теплоходу, гудок, ее прощальная улыбка и...

Она сказала, что ее зовут Ирина. Что она по профессии искусствовед и работает в Третьяковской галерее. Но там платят негусто, и поэтому она подрабатывает в мастерских по дизайну интерьеров. Что сейчас вот, в данный момент, она в отпуске и путешествует с подругами — три дня на теплоходе Москва — Мышкин — Москва. В общем, полный набор — интеллигентка, москвичка, насмешница, красавица. С такой сногшибательной внешностью легко может в столице богатого иностранца заарканить, продюсера, чиновника высшего эшелона власти, бизнесмена, а не то что какого-то там «купи-продай» мышкинского разлива. Искусством ведает в Третьяковке, в живописи сечет. Только у этих, кто искусством ведает, сейчас денег ни шиша, может, хоть это ему, Ивану Канталупову, как-то поможет? А вдруг поможет?!

«Коротков» стоял два с половиной часа. А когда опять заиграла музыка, созывая туристов на теплоход, Иван Канталупов совершил поступок, который имел далеко идущие последствия. Подошел к менеджеру туркомпании, фрахтававшей рейс, и спросил — а нельзя ли купить тур, точнее, половину тура, Мышкин — Москва, за полную стоимость в одноместной каюте или люксе? Оказалось, что за полную стоимость возможно все.

Машину Канталупов бросил прямо на пристани — позвонил сразу в магазин, уже своему менеджеру-товароведу, чтобы немедленно послал кого-то из охранников отогнать домой и поставить в гараж. Жене Ольге он позвонил тоже — уже из каюты — и соврал, что встретил на теплоходе армейского друга и у них столько накопилось, что и за три дня душу не излить друг другу, поэтому плывут они сейчас в Москву. Ольга среагировала бурно: «Да что же это такое делается-то, а? Вань, ты что? Ты ж никуда не собирался, ничего не говорил. Ты ж поехал насос новый смотреть. А когда ж теперь вернешься? Как доедешь обратно?»

Канталупов ответил, что вернется дня через три поездом или «Ракетой» до Ярославля, что насос он купил — в багажнике он. В общем, того, дело житейское, закругляйся, жена, до свидания — друг Леха уже в баре теплохода теплый, ждет...

Он и правда для начала пошел в бар. Надо же было обрести нужную кондицию — несмотря на смелый поступок, его колотила нервная дрожь. И он не знал, как показаться на глаза Ирине, что ей сказать.

А вечером он увидел ее у борта — гремела на верхней палубе дискотека, и она была там, веселилась, танцевала и вот вышла на воздух выкурить сигаретку. Когда она узрела Канталупова — он ведь сел на «Короткова» в чем был, в кроссовках, в мятых «адидасах», без багажа, без зубной щетки, — она... Она удивилась. Улыбнулась. Засмеялась. Сказала, что он забавный. И совершенно ненормальный тип. Но танцевать с ним пошла. И он снова бухнул ей то, что думал: «Увидел тебя и... в общем, влюбился очень, сразу и, кажется, на всю оставшуюся жизнь. Делай со мной что хочешь. Нет у меня воли своей против тебя, Ира, Ирочка...»

А вот говорят, так не бывает. Когда тридцать три, пивной живот, жена, сын, налаженное дело в Мышкине, планы расширить торговлю и патологическая любовь к рыбку, студию и шашлык — так не бывает. Ну что на это ответить?

В танцах он прижимал ее к себе очень крепко и сходил по ней с ума. Но она, все понимая и забавляясь его состоянием, не позволила ему ничего. Совсем ничего. Ночь они провели по-пионерски — каждый у себя в каюте. Для Ивана Канталупова койка теплоходная была как горячая сковорода — глаз не сомкнул. Млел и мечтал, изводил себя и надеялся, ликовал и страшился, желал и снова млел, как пацан.

В Москве он довез ее до дома на такси — на Новосущевскую улицу. А сам поехал устраиваться в гостиницу. Застрял в Москве на неделю — звонил в магазин, давал цеву продавцам, звонил жене, что-то безбожно врал, потом и врать перестал. С Ириной виделся каждый день — утром, как пес верный, ждал ее у подъезда, днем, как проклятый, целыми часами торчал в Третьяковской галерее — она там работала до четырех, а потом...

— Нет, ты правда ненормальный, — твердила Ирина. — Ну что ты меня преследуешь? Уезжай, слышишь, что я говорю? Все равно ничего у нас с тобой не будет. Ты женат, у тебя ребенок. А я... да я вообще тебя знаю всего какую-то неделю. И потом, у меня есть друг, я его очень люблю, я замуж собираюсь, слышишь ты, чудо в перьях?

Он слышал все — и про чудо тоже. И про друга. И не верил. Мало ли что, а вдруг? Потом он увидел этого типа. Он заехал за Ириной на своей машине — новехоньком открытом спортивном родстере — и повез ее куда-то...

Был вечер, Москва сияла огнями. Канталупов поймал какого-то задрюгу-частника и преследовал их по пятам, как неуловимый мститель. До самых дверей частного мини-отеля «Сладкая парочка» — они вышли из машины и, обнявшись, скрылись за его дубовыми дверями. Он отпустил частника и остался на улице. Стоял на тротуаре, как статуя Командора. Сдыхал, но стоял. Дежурил. Они провели там много-много времени — всю ночь. И, наверное, в любви и радости. А он... С ним ведь действительно творилось что-то странное. Дракон, вот-вот изготовившийся взмыть к облакам на своих кожистых крыльях, так и не сумел оторваться от земли, ползал на брюхе и грыз

свой собственный хвост, грыз камни и корни деревьев. Плачут ли драконы? Этот, канталуповский, плакал. Сам себе он был противен — такой чудовищный, такой пошлый, такой страшный. Он почти уже совсем не ассоциировался с чудом.

Канталупов напился в ночном баре так, как никогда до этого не напивался. Он раздавил в руке бокал, поранил осколками руку и заплатил бару выкуп. Как он очутился на Крымском мосту в четыре утра — бог знает. Как забрался на опору верхней части моста, что так крута и поката и так мила самоубийцам? Он через голову содрал с себя постылую «адидаску», махал ею, как флагом...

Внизу была Москва-река — черная, вся в огнях, чужая. Было все как-то безумно жаль, особенно бесхитростный город Мышкин, куда, казалось, уже не было возврата. А о налаженном бизнесе, о магазине и товарах — даже мысли не мелькало. И о жене, о сыне Игоряхе тоже — вот парадокс.

Обычно самоубийц на Крымском ловят, так сказать, на самой взлетной площадке — на верхотуре опоры. Приезжают сто ментов, сто психологов и «Скорая помощь» — уговаривают, улещивают, просят и, наконец, снимают, как сливу с ветки, — посиневшего на ветру, продрогшего, но живого. Но Канталупов опередил всех — и пожарных, и милицию, — он прыгнул сразу: бу-ултых! Его заметили, когда он был уже в Москве-реке и камнем шел ко дну, потеряв сознание от удара о воду. Прыгнули за ним с причала прогулочных теплоходов два милиционера из патрульной машины, вооруженные спасательным кругом «Мосводоканал». А выбраться из воды всем троим помог водитель черного «Вольво», случайно оказавшийся в этот глухой час на Крымском мосту.

Лежа на асфальте, мокрый, наглотавшийся грязной воды, Канталупов был возвращен к жизни именно этим человеком. Тот сделал ему интенсивный массаж сердца и искусственное дыхание рот в рот. Канталупов увидел над собой в свете утренних фонарей лицо — оно, как белое пятно, плавало в сумраке, кружило, как птица. Канталуп-

пов зашелся кашлем, повернулся на бок — его стало бурно рвать, но он был спасен. Лицо приблизилось. Владелец его, ничуть не брезгуя и не тушуясь, бережно вытер с подбородка Канталупова слизь и рвотные массы.

— Вам лучше? — спросил он. Голос у него был негромкий, мягкий. — Зачем же вы так глупо? — спросил он уже строже. — Так торопиться, ничего толком не выяснив, не попробовав исправить...

— Не-че-го вы-яс-нять, — по слогам выдохнул Канталупов. — Она...

— Она вас не любит. — Владелец мягкого голоса кивнул. — Ну конечно, а что же вы хотите — все и так сразу? Конечно же, она вас не любит. Пока.

— Чего ты мелешь? Ты ж... вы же ее не знаете. И какое ваше дело? — Канталупов уже был в силах спорить.

Владелец мягкого голоса положил на его мокрый лоб прохладную ладонь. Так щупают лоб тяжелобольных, проверяя температуру, — жест был отработанный, профессиональный.

— Ей лет двадцать семь, она не замужем, — сказал он. — У нее красивые глаза, она блондинка... нет, волосы у нее рыжие. У нее гордый нрав и большие запросы, которым вы пока не соответствуете... Ну конечно же, она вас не любит — у нее ведь есть мужчина, которого она любит сама и очень, ну просто сил нет как хочет женить на себе.

— Откуда вы знаете? Я... я его убью. Сейчас вот пойду туда и убью. Я и себя убью. Все равно убью. — Канталупов рванулся из лужи, что натекла с него на асфальт.

Где-то далеко, наверное на Садовом еще, запела-заиграла «Скорая».

— Да это нетрудно, вы же думаете об этом, а я вижу. — Владелец мягкого голоса снял с его лба руку. — И это даже не очень трудно. Трудно другое. Жить, верить, желать, не терять надежду. Вы в силах подняться? Там «Скорая» едет, но, я думаю, вам лучше избежать прелестей страховой медицины. Вы ведь приезжий, да? Ну вот. Моя сестра — врач, она поможет вам лучше. Я отвезу вас к ней.

— Мне не нужен никакой врач, я... пустите меня!

— Вы сильно ударились о воду, когда прыгали с такой высоты. У вас болевой шок, потом, вы наглотались разной дряни. Если не принять таблетки, вполне можете схлопотать дизентерию. Поверьте, это уж совсем отдалит вас от предмета ваших чувств — понос, фу, вещь неэстетичная. — Обладатель мягкого голоса начал тихонько, но очень настойчиво и властно поднимать Канталупова.

И только тогда тот его рассмотрел — туман, застилавший глаза, поредел. Ну, вроде нестарый еще — лет сорока мужик, моложавый, но лицо все в мелких морщинках, с очень подвижной мимикой. Волосы странного какого-то белого кукольного цвета — не поймешь, то ли совсем седые, то ли крашенные.

— Убивать себя, а тем более свою любовь — грех, — шепнул этот тип. — И прыгать с моста ночью — мальчишество, ведь взрослый уже, солидный человек — жена, ребенок... Мало ли что бывает. Надо не отчаиваться, а искать выход, средство искать, которое поможет наверняка.

— Да нет никакого средства. — Канталупов покачал головой. — Они ж уже спят вместе. Трахает он ее сейчас вовсю. А меня она не любит, не хочет меня. Смеется надо мной. А я... я жить без нее не могу. Сдохну я без нее!

— Вера, вера и желание — это то, что отличает нас от животных. Она горами двигает.

— Да какая еще, на хрен, вера? Во что?

— В чудо. — Обладатель платиново-седой шевелюры и мягкого голоса наклонился близко-близко и сказал то, что почти убило в потрясенном Канталупове способность критически воспринимать все дальнейшее: — Дракон уже здесь. Не там, а здесь. Солнце взойдет через час, прогреет его хребет, внутренности, исторгнет пламя из его огнедышащей глотки. Очень интересный, эмоционально насыщенный образ, очень оригинальный... Кому рассказать — не поверят: такая яркая метафора любви в таком фантастическом обличье... А если я вам открою секрет, если скажу, что средство исполнить ваше желание есть, только надо приложить некоторые усилия, чтобы его заполучить? Вы слышите меня? Как вы опять побледили... Это из-за

дракона? Ничего, не беспокойтесь. Это же просто образ, мысленный образ. Ваш навязчивый сон. Вы увидели во сне, запомнили. А я увидел сейчас.

— Да кто ты такой? — хрипло спросил Канталупов.

— Меня зовут Стефан. Брат Стефан. Мы сейчас с вами поедем к моей сестре. Ее зовут Анна. По крайней мере, она точно скажет, нужно ли вам делать рентген грудной клетки или на этот раз обошлось без переломов ребер.

Глава 5

МАМОНОВО-ДАЛЬНЕЕ

— Что же это такое? Ничего подобного не было никогда. Никогда такого не было, сколько себя помню!

— А сколько ты себя, интересно, помнишь?

Катя Петровская стояла перед Никитой Колосовым с диктофоном и фотокамерой в руках. Диктофон был выключен. Камера не извлечена из чехла. Щеки Кати пылали от возбуждения. Волосы были растрепаны. Она только что приехала из Москвы вместе с телеоператором пресс-центра главка, видимо тоже спешно поднятая по тревоге. Колосов был рад ее видеть здесь, в этом аду, но не подавал и вида. Стойко держал профессиональную и не только профессиональную марку.

— Мы сразу с Тимкой сюда. — Катя кивнула на оператора, суетливо выгружавшего из машины пресс-центра аппаратуру. — На этот пороховой завод даже соваться не стали, туда столько народа нагнали — прокуратура, министерство и начальство наше все в полном составе. Я так и подумала — раз они все там, то ты, Никита, уж точно здесь, в Мамонове-Дальнем, и в гордом оперативном одиночестве.

— Ты подумала об этом типе в такую рань?

— О каком типе? — не поняла Катя, испуганно глядя через плечо Колосова на мирный пейзаж, открывавшийся с шоссе, на котором стояли милицейские машины.

— Вот о нем. — Колосов ткнул себя в широкую грудь, прикрывшую хлопковой толстовкой.

— Чего-то ты о себе в третьем лице вдруг заговорил? — спросила Катя. — Конечно, я о тебе сразу подумала, о ком же еще? Не о начальнике же и не о твоих коллегах из министерского департамента розыска. Такое дело, такие события, значит, мы с тобой должны...

— Мы с тобой? — Колосов прищурился. — Жареного репортажа не выйдет, Катя.

— О, это уж мне судить, одной лишь мне, этот несносный тип должен поверить. — Теперь уже сама Катя ткнула своим острым маникюренным коготком в его широкую мужественную грудь. — Вот этот самый тип, этот.

— Как у мужа дела? — спросил Колосов.

— Отлично, спасибо. Он уехал.

— Да? Далеко?

— В Пермь. У его работодателя Чугунова там завод, и потом, там какие-то выборы, работодатель своих людей во власть пропихивает — недели две точно Вадик там в этой Перми с ним прокантуется.

— Вадик... Вадик ненаглядный. Значит, хороши его дела?

— Я же тебе сказала — неплохи наши дела.

— Ваши... Ваши с ним, семейные. А он, Вадик твой ненаглядный, значит, все при своем боссе начальником личной охраны состоит?

— Ты у меня прямо здесь все это будешь выяснять? — спросила Катя. — Прямо сейчас?

— А почему нет? Где ж еще? Иных мест, иных встреч ты мне не назначаешь. Или тебе на труп не терпится полюбоваться? На растерзанное бездыханное тело?

— Ты не с той ноги встал сегодня, да? Тима, — Катя окликнула оператора, — пойдем, золотко, начальник отдела убийств милостиво разрешает нам быть на месте происшествия. Работу свою выполнять. Тут охрана должна быть из ППС, они нас проводят прямо до...

— Иди за мной и вперед не лезь, — буркнул Колосов,

глянул на Катю и добавил: — Ну, пожалуйста, не лезь. И с камерой своей тоже погоди соваться.

Они медленно сошли с шоссе. Сразу от обочины начинался крутой склон холма, поросший травой. Трава была свежая, майская, зеленая — она радовала глаз и располагала к беззаботному отдыху. Тут и там по склону рос низкий кустарник, у подножия холма змеилась разбитая дождями сельская дорога, уводившая на юг в тенистую рощу.

— Это правда заповедник? Настоящий? Дежурный по главку сказал, это, ну, второе убийство на территории заповедника в Мамонове-Дальнем. Мы с оператором указатель видели на трассе, свернули. А чего тут заповедного?

— Да вроде природа красивая, река, потом музей-усадьба. Дом отдыха в двух километрах отсюда, — Колосов смотрел в сторону рощи. — Два года назад в этом самом доме отдыха ханыгу одного вместе с водителем в «бэ-эмвухе» из автоматов расстреляли. Я выезжал. Разборка была в этом сонном сельском уголке, солнцевские с подольскими поспорили, ну а стрелять приехали сюда, на нейтральную почву... Раскрыли мы то убийство. А дом отдыха тут первоклассный: с полем для гольфа, с бассейном, ну и прочие финтифлюшки, значит, в масть.

— Какие еще финтифлюшки? — Катя начала осторожно спускаться с холма — высокая платформа ее босоножек не была приспособлена для турпоходов на природе.

— Давай руку, держись за меня, осторожнее. — Колосов крепко взял ее за руку. — Какие финтифлюшки? Неточно я выразился — ну, музей-усадьба, бывший театр крепостной екатерининских времен, парк... Э, милочка, такими ударными темпами мы с тобой до вечера тут ползти будем. — Он покачал головой, потом внезапно одним порывом поднял опешившую Катю на руки. Легко и быстро спустился с этой своей брыкающейся ношей вниз.

— Это что еще за милочка, а? — гневно спросила Катя, когда он, ослабив хватку, поставил ее на ноги. — Вообще, что ты себе позволяешь? Я тебе кто? И кто ты мне? Как ты себя ведешь на месте происшествия?

— Скверно себя веду? Что положено Юпитеру, то есть Вадику ненаглядному, уехавшему в командировку, не положено бычку, то бишь бедному сыщику. — Колосов прищурился. — Вон сук с дерева обломи, побей меня, нахального негодяя, палкой.

— Дурак. — Катя фыркнула. — Точно встал не с той ноги. Или на тебя так подействовало то, что ты там, на пороховом заводе, в бане увидел... Кстати, я так и не поняла, как это так — завод, да еще пороховой, — и какая-то баня... Что за бред?

— Завод стоит который год. Помещения они сдают. Клиентам где-то мыться надо? Надо время с бабами проводить культурно? Ну, вот и сделали вместо пороха к снарядам сауну финскую евролюкс.

— А там что, с этими четырьмя убитыми были женщины? — быстро спросила Катя и включила диктофон.

— Насчет термина «убитые» я бы не тарахтел пока. — Колосов смотрел в сторону роши, до которой оставалось прилично идти. — Чего ж тут дороги-то вниз нет? Должно быть, со стороны музея... А то как-то странно — старинное кладбище, фамильное, дворянское, а подъезда удобного с шоссе нет... Да и вообще насчет тех четверых из сауны я пока погодил бы языком трепать.

— А никто и не треплет языком, — обиделась Катя. — Я просто уточняю детали. Ты же самый первый туда, на место, выехал. Там теперь такой ажиотаж. А ты был там самый первый. Ты там все осмотрел?

— Ничего я там толком не осмотрел. Висельников этих мы только кое-как сняли, глянули с Василь Василичем, патологоанатомом, ты его знаешь, — он, как всегда, в своем ампула... Потом меня сюда выдернули. Сейчас здесь все сделаем, и я снова поеду туда.

— Я с тобой. — Катя бесцеремонно дернула его за рукав. — Кто сказал — иди за мной? Теперь куда ты, туда и я.

— А тебе как дежурный сказал — два убийства? — хмуро спросил Колосов после паузы, в течение которой они шли к роше.

— Ага, — Катя кивнула, — домой мне позвонили в

полвосьмого — дежурный, а потом наш начальник — никогда такого аврала не было. Сказали, два убийства — групповое в бане и какое-то при невыясненных обстоятельствах на территории этого самого заповедника Мамонно. Мы с оператором подумали сгоряча: может, лесник или инспектор от рук браконьеров пострадал — ну, раз в заповеднике... Никита, а куда мы идем, что там, за теми деревьями?

— Я же сказал — кладбище, труп там.

— Кладбище? — Катя остановилась. — Вот так место. Смотри, сколько тут сирени. Почему-то именно на кладбищах сирень самая красивая и душистая.

— Погоди-ка. — Колосов тоже остановился. Потом прошел по дороге несколько шагов назад. — Черт, тут, кажется, до нас кто-то успел побывать. Следы автомобильного протектора, и свежие совсем. — Он оглянулся, жестом подзывая отставшего от них эксперта-криминалиста, отягощенного спецчемоданом. — Так, судя по следам, тут проезжал внедорожник. Ну-ка, подожди... Направление движения... — Он присел, трогая след протектора. — Давность точно небольшая. Дождь вот только ночью прошел, но след здесь, по крайней мере, довольно четкий. Дальше что? А вот дальше глина, черт... глину развезло... Ну дороги наши, мать их... Так откуда же он тут взялся, этот внедорожник? Не по склону же спустился? В принципе мог и по склону. Ну-ка стой тут, а я вернусь назад, вон там, левее.

Катя осталась внизу, а Колосов вместе с подросшим экспертом снова взобрались на холм. Катя наблюдала за ними — маленькие фигурки на холме, человечки — чего-то там возятся, копошатся, исследуют, смотрят. Следы протектора... Следы вроде и правда ночные. А чтобы ночью съехать сюда вниз с шоссе, надо быть либо отчаянно-смелым, либо вдрызг пьяным. Тут и фонарей-то нет ни одного, а спуск вон какой крутой. Она подошла к кустам — а тут вот сирень цветет, буйная, махровая. Кладбищенская сирень. А вроде ничто не указывает на то, что здесь, за этими сиреневыми кустами, в роще располагает-

ся кладбище. К кладбищу должна вести дорога, утоптанная бесчисленными поколениями торная тропа, а тут... Внезапно что-то привлекло ее внимание: ветка сломана, и вон еще одна, и вон там. Катя шагнула в кусты. Они были помяты, складывалось впечатление, что сквозь эту зеленую чашу кто-то прокладывает себе путь. Катя углубилась в заросли — она сразу же забыла о данном обещании не забегать вперед. Вытащила из чехла цифровую камеру. «Так, сейчас мы вас проверим, сейчас мы вас сравним, сейчас мы вас проверим...» Какие-то назойливые кусачие мошки, потревоженные вторжением, заплесали у самых ее глаз. Катя мотнула головой, отгоняя их, и едва обо что-то не споткнулась. Наклонилась — это что еще за штука тут валяется? Подняла с мокрой земли короткий металлический лом — именно так ей в тот миг показалось, — довольно увесистый, испачканный глиной. Она взвесила его на руке, огляделась — ее со всех сторон окружали густые кусты, стена зарослей словно сомкнулась, не пропускающая в свою душную влажную сердцевину посторонние звуки. Но справа в гуще зелени снова бросились в глаза сломанные ветки. Катя шагнула в этот пролом и...

— Никита! — Она не удержалась от крика, да что там от крика — от отчаянного, почти заячьего вопля, увидев это. — Никита, скорее сюда!

— Чего вы орете как ненормальная? — послышался из кустов в двух шагах хриплый простуженный юношеский басок. — С главка, что ли? Эксперт или следователь? — Обладатель баска — высокий, худой, как журавль, юный сержант ППС в армейской плащ-палатке вышел на открытое место. — Что, до печенок проняла картинка? Тотто. А я один тут уже полтора часа — участковый меня оставил место происшествия до приезда опергруппы охранять. А сам очевидцев ищет, свидетелей. Какие свидетели на кладбище ночью? Да не дрейфь ты, успокойся, дыши глубже. Он же мертвяк мертвяком... Крови, конечно, многовато. — Сержант вздохнул. — Эй, да ты одна тут, что ли? Ну-ка покажь документы, может, ты приبلудная какая? Так посторонних я сюда пропускать не имею права.

— Я из пресс-службы главка. Вот мое удостоверение. — Катя сунула ему под нос корочку. — Я не одна тут, просто они там, на холме, след автомобиля отрабатывают, сюда пока еще не дошли. А я... я действительно испугалась немного... Никак не ожидала. — Она смотрела на пролом в кустах сирени. — Он кто — ваш, местный?

— Мертвец-то? Да нет, таких я тут точно в окрестностях не встречал. Залетный. Так там ведь и тачка его на дороге брошена.

— Машина? На дороге? Где? Мы ехали сейчас и никакого транспорта припаркованного не видели. А какая машина — внедорожник, да? Там след с холма вниз как раз внедорожника и...

— «Фолькс» там подержанный, «Фольксваген» стоит во-он там. — Сержант махнул куда-то в сторону, совершенно противоположную и холму, и шоссе. — Там, у водокачки нашей бывшей.

— Вы тело уже осмотрели, документы нашли? С чего вы решили, что это его машина?

— Ничего я один тут не осматривал. Права не имею, поставлен только охранять. И документов не видел. А что это его машина, что ж... Таких «фольксов» у нас, в нашей деревне, точно нет. И потом, брошен он — на сигнализацию не поставлен, не заперт, багажник и тот открыт настежь — его дождем весь залило. А канистры-то в багажнике как раз и нет.

— Какой канистры? Я что-то вас не понимаю.

— А вон канистра-то пятилитровая, во-он бок ее в траве белеет. Бензин там по земле растекся, так что вы там смотрите осторожнее.

— Почему бензин? Какой еще бензин?

— Какой бензин? Обыкновенный бензин. Сжечь он что-то тут собирался — вот какой бензин, — сержант мрачно сплюнул, — сжечь, к свиньям. Только сжечь-то и не успел, зарезали его.

Затрещали кусты, и точно по волшебству, как из рога изобилия, на место происшествия посыпался десант: Колосов, эксперт-криминалист, сыщики местного отделе-

ния милиции, последним прибыл участковый с понятиями — ветхими деревенскими бабками из поселка Мебельный, умиравшими от любопытства и страха.

Но Катинo внимание целиком приковывало к себе это... То, что пять минут назад заставило ее так позорно и так непрофессионально вскрикнуть и попятиться.

В кустах сирени на вытопанной, судя по всему в жестокой драке, площадке среди сломанных веток и листвы, обильно забрызганных кровью, лежал молодой мужчина. Худое загорелое лицо его было искажено гримасой боли, все тело как-то скрючено, сведено судорогой, руки прижаты к животу, из которого торчала... Нет, Катя не могла на это смотреть, отводила глаза. Это было что-то дикое и нереальное — словно какой-то посторонний нарост на истерзанном теле. Это была рукоятка охотничьего ножа, вонзенного в человеческую плоть на всю длину лезвия. Ощущение было такое, словно этот нож пригвоздил, припилил несчастного к земле, к этим поломанным кустам, к корням. Труп, залитый кровью, измазанный глиной, был щедро усыпан опавшими цветками сирени — точно фиолетовым снегом.

Катя почувствовала, что, если она сейчас же, сию минуту не отвлечется от этого пустого обывательского созерцания, ее непременно вырвет. Через силу, но надо включиться в работу — снимать этой вот цифровой камерой, зажатой во взмокшей ладони, надо тормошить, расспрашивать эксперта, надоедать своими «что» и «почему» Колосову, оперативникам — одним словом, делать что-то, а не просто видеть это — нож, торчащий из человеческого тела, само это бедное тело, скрюченное жгутом боли вокруж этого жуткого ножа.

Осмотр места длился более трех часов. Прибыл кинолог с собакой, Колосов вместе с ним и опергруппой снова прошел весь путь от шоссе к месту убийства, а также к дороге, где был обнаружен брошенный на произвол судьбы «Фольксваген». В машине нашлись документы — техпаспорт и водительское удостоверение на имя Алексея Невековского.

— Личность установлена, и на том пока спасибо, — хмуро сказал Колосов после осмотра. — Москвич, проживает на Ленинском проспекте, машина вон почти новая — а он бросил ее прямо на дороге, багажник даже не закрыл — так торопился смерть свою, что ли, тут встретить?

— Сколько ран ему нанесли? — спросила Катя (когда Колосов вместе с судмедэкспертом с усилиями извлекали нож из тела, она была возле «Фольксвагена» — снимала работу кинолога).

— Три проникающих ранения в брюшную полость. Все несовместимые с жизнью. Удары нанесены с большой силой. Кто-то взял, да и сделал ему харакири. И этот кто-то ждал его здесь.

— Где? — Катя вздрогнула, оглянулась. — На кладбище?

— Ты вон там нашла лом?

— Да, в тех кустах.

— Следов там нет, лом просто зашвырнули в сторону. Думаю, лом этот Неверовский взял в качестве оружия из машины вместе с канистрой — по дактопоиску еще проверим, чьи там отпечатки конкретно, но думаю, это штука его. — Колосов вытер со лба пот и отогнал назойливую мошкарку, которой кишели заросли. — Взял он эту штуку для самообороны.

— От кого? — спросила Катя.

— От того или тех, кто прибыл сюда раньше его.

— Почему ты думаешь, что эти кто-то приехали сюда раньше?

— Потому что Неверовского ждали вон там. — Колосов кивнул в сторону буйного куста махровой персидской сирени. — Там следы — дождь картину подпортил, но один довольно четкий — явно кроссовки сорок третьего размера. Мы с кинологом отработали его. И знаешь, откуда он ведет?

— Куда? — поправила Катя.

— Самое любопытное, что откуда и куда в этом случае совпадают. Видишь вон то дерево? — Колосов указал в сторону старой березы. Вокруг нее рос густой и частый

подлесок, среди которого торчали из земли ржавые ограды, покосившиеся кресты. — Ты там еще не была?

— Я видела, вы там с кинологом что-то осматривали. Я была здесь, а потом возле машины. А что там такое?

— Думаю, тебе лучше самой взглянуть, может, какую версию мне подкинешь.

Колосова окликнули — прибыл следователь прокуратуры и руководство местного ОВД.

Катя осторожно обошла вытоптаный участок, на котором лежало тело. Возле него все еще работал судмедэксперт. Вот он махнул рукой, снова подзывая Колосова и следователя прокуратуры. Катя, пересиливая себя, тоже приблизилась.

— Посмотрите, у него на предплечье татуировка, — тихо сказал судмедэксперт Колосову. — Она вам ничего не напоминает?

Катя увидела на предплечье Неверовского, освобожденном от рубашки, татуировку: словно оттиск синюшной переводной картинки — бледная путаница линий. Вроде похоже на человекоптицу фантастического вида — до середины туловища что-то вроде ястреба, а выше — нечто смахивающее на сиамских близнецов, какой-то сросшийся мутант с двумя головами — мужской и женской. Колосов был великий спец по татуировкам, этим своеобразным знакам иерархии уголовного мира. Но Кате показалось, что эту татуировку он рассматривал с каким-то особенным напряженным вниманием.

— Давность приличная, и, кажется, пытались свести, избавиться, нет? — спросил он.

— Кажется, пытались, а вот та, что мы видели раньше, была точно такой же, но давности небольшой. Вполне свежий модный татуаж. — Судмедэксперт крикнул и покачал головой.

Катя отметила этот обмен мнениями как нечто не совсем для себя понятное и решила уточнить попозже.

Оставив Колосова возле тела, она направилась к березе. Катю поразило, насколько в этом странном месте обманчиво расстояние. Кажется, до березы рукой подать.

Но путь по прямой преграждало скопище железных оград, обычное для старых кладбищ. Каждый клочок, каждое дерево было огорожено, но ограды покосились и местами даже упали, могильные плиты заросли травой и мхом, с крестов буйно свисали плети вьюнка — все здесь было в забросе и запустении. Катя тщетно пыталась прочесть хоть какие-то надписи на надгробьях — везде все стерлось или было смыто непогодой. Складывалось впечатление, что за кладбищем давно уже никто не ухаживает и что здесь, в этом глухом уголке заповедника, все давно спит беспробудным сном. Наконец она добралась до березы — еще издали увидела сотрудников милиции и эксперта-криминалиста с видеокамерой в руках. Узловатый ствол березы покрывали черные нашлапки — видимо, дерево, обладавшее такой мощной кроной, было безнадежно больно. А под березой виднелись могилы. Катя увидела невысокий обелиск из черного мрамора, похожий на осколок античной колонны. Вокруг все заросло травой и лопухами, но трава и лопухи эти были примяты. Примерно в пяти шагах от обелиска в траве еле угадывались очертания вросшей в землю могильной плиты из серого, испещренного темными потеками гранита. Плита не была сдвинута с места, но рядом с ней, слева на расстоянии примерно полутора метров, была выкопана довольно глубокая прямоугольная яма. На дне ее стояла вода, однако совсем немного. Трава вокруг была засыпана песком и землей: судя по всему, яму копали в спешке.

— Странно, почему тут, на этом месте, собака вдруг отказалась работать? — донеслось до Кати. — Тут везде здорово натоптано. По крайней мере, двое лопатами орудовали. А собака наотрез работать отказывается — и непонятно почему, никакой обработки следов тут не проводилось — вот поди ж ты, пойми ее собачью душу.

Подошел Колосов.

— Ну, что скажешь? — спросил он хмуро.

— Скажу, что вижу какую-то дыру в земле, — ответила Катя, — или нору. Они что, по-твоему, пытались вскрыть могилу?

— Да могилы-то вроде целы. — Колосов вздохнул. — И эта вот, — он кивнул на обелиск, — и эта. И плита не тронута. Выщербина вот тут, правда. — Он нагнулся и потрогал гранитную плиту рукой. — Возможно, лопатой ударили, но так визуально все цело. А яма вырыта.

— Может, они клад искали, ценности? — выпалила Катя. — А что? Тут ведь какой-то заповедник, дворянское гнездо, да? Самое место фамильные ценности искать ночью. Эти, что на внедорожнике сюда по склону съехали, явились на поиски клада, — продолжала она развивать осенившую ее догадку. — А Неверовский хотел им помешать или хотел получить свою долю, а может, вообще все себе забрать. Поэтому его и прикончили. Ты версию хотел — чем не версия?

— Версия. — Колосов снова вздохнул. — Клад, говоришь, ценности...

— Может, они вообще все братки, мафиози, — не унималась Катя. — Ты с экспертом про татуировку говорил — он что, этот Неверовский, сидел, да?

Колосов не ответил.

— Возможно, они что-то искали тут и не поделили, — неуверенно закончила Катя.

Колосов встал на самый край ямы. Потом спрыгнул вниз — ему оказалось по грудь. Он достал рулетку и измерил длину — метр двадцать. Оперся о края. Катя хотела помочь ему вылезти, но он без усилий выбрался сам, начал отряхивать испачканные джинсы.

— Ну, что ты все молчишь, скажи хоть что-нибудь, — не вытерпела Катя.

— Да я версию твою обмозговываю, — хмыкнул Колосов. — Устами женщины и младенца, как говорится... Тот, кто ждал Неверовского в кустах, пришел именно отсюда. Они, сдается, и по склону-то съехали, чтобы оказаться тут раньше, чтобы опередить. Получается, что знали, что этот самый Неверовский стремится тоже сюда. Тебе не кажется, что эта вот мраморная штука, — он кивнул на черный обелиск, — напоминает некий ориентир? Тут все кругом кресты, камни сплошные, а такая вот тум-

ба — только одна. Правда, ночью тут сам черт ногу сломит — вот они и постарались подогнуть свою тачку поближе. Там вон тоже следы протектора, — он кивнул в сторону. — Копали наверняка при свете фар и вырыли хорошую яму...

— Согласись — очень похоже на поиски клада, — перебила Катя.

— Похоже. Только вот почему тогда мертвец наш, Неверовский, хотел клад этот спалить? — хмыкнул Колосов. — Волок сюда от машины пятилитровую канистру с бензином. Не костер же он тут собрался разжигать?

— С чего ты взял, что он хотел сжечь именно то, что было извлечено вот отсюда? — Катя показала на яму. — Логической связи никакой не вижу — мало ли... Вообще с чего ты взял, что в этой яме что-то было?

— Ты же сама только что мне говорила про клад, — хмыкнул Колосов. — Я просто развил твою мысль. Но попытался при этом учесть важную улику — канистру с бензином. И потом...

— Что? — спросила Катя.

— Ты спросила — сидел ли, по моему мнению, Неверовский? Я тебе сразу скажу: даже без пробивки по банку данных мне ясно — фраер он, срока в жизни не тянул, вообще клиент изначально не наш. И к уголовной братве никакого отношения не имеет.

— А как же тогда его татуировка? Ты ведь такую уже раньше видел — я слышала ваш разговор с патологоанатомом.

Колосов снова помолчал, посмотрел на часы.

— Сейчас тут закончим, и я возвращаюсь на завод в эту чертову баню, — сказал он. — Там еще работы до фи-га. А его татуировку мы с тобой, Катя, обсудим позже.

— Но почему? Что за таинственность? Почему ты не хочешь сказать, где ты ее видел — в оперативном альбоме, в картотеке?

— Я ее видел сегодня в четыре часа утра на теле одного из тех, кого мы вынули из петли, — буркнул Колосов. — Все, пока не приставай ко мне! Больше пока мне все равно нечего тебе сказать.

Катя вернулась домой вечером. И сразу прошла в ванную. Распустила волосы. Впечатления этого дня хотелось смыть с себя, словно нечистоты. В принципе она просто ретировалась, удрала с места событий — ее, не оправившуюся от впечатлений после кладбища, доконала эта сауна. Чертова баня, как выразился Никита Колосов. В Мамонове-Дальнем, по крайней мере, все происходило на вольном воздухе, и там хотя бы дул ветерок. Можно было отвернуться от забрызганных кровью кустов сирени и посмотреть на небо, отвлечься на звонко тенькающую пичугу на ветке. Можно было вернуться к подножию холма и побродить в траве, стараясь хоть на время забыть о том, что лежит там, на вытоптанной полянке в зарослях.

В сауне же ничего этого сделать было невозможно. Здесь стояла спертая духота. И было слишком много людей. Хотя основной начальственный поток из главка, из министерства и прокуратуры области уже успел схлынуть, на месте по-прежнему работала большая следственно-оперативная группа. Возвращения начальника отдела убийств здесь ждали с великим нетерпением. И Катя не стала ему мешать. Они с оператором телестудии делали свое собственное дело — снимали, брали короткие блиц-интервью у местных сотрудников, оказавшихся на месте происшествия в числе первых. Но само это место, сама эта «чертова баня» вызвала с самой первой минуты у Кати нервную дрожь — под этим деревянным потолком, над этим кафельным бассейном с прозрачной прохладной водой всего каких-то десять часов назад бились в конвульсиях четверо мужчин. Эти гладкие стены, казалось, впитали их предсмертные хрипы, а воздух, казалось, был полон темной заразы — каждый вдох давался Кате с трудом. Никита Колосов уже впоследствии признался ей — он испытывал в этом помещении те же самые ощущения. Не за-

был он упомянуть и про понятую, грохнувшуюся в обморок при виде удавленников.

Но сейчас тела уже успели увезти в морг. Самого страшного Катя не видела, но это, увы, ничего не меняло.

А дома, в Москве, в квартире на Фрунзенской набережной, было тихо и пусто. Сидя на краю ванной и расчесывая волосы, Катя вспоминала, как всего два дня назад собирала в дорогу мужа Вадима Кравченко — на домашнем жаргоне именуемого исключительно «Драгоценный В.А.». Все тогда было совсем по-другому, все кипело и клокотало, вращаясь исключительно вокруг Драгоценного В.А. Он на этот раз отнюдь не горел желанием сопровождать своего работодателя в Пермь, не желал и последующего вояжа на Урал. Капризничал, как ребенок, бурчал, что, мол, шеф его — небезызвестный в столичных деловых кругах предприниматель Василий Чугунов — с годами блажит все больше и больше, что он отстал от жизни и в современном бизнесе смыслит как корова в апельсинах, что вообще ему следует думать больше о душе и подорванном здоровье, лечиться в санаториях в Швейцарских Альпах и жертвовать на храм, а не вбухивать такую прорву денег в каких-то дефективных кандидатов на какие-то дефективные выборы, фактически выбрасывая деньги на ветер. Он клялся, что он смерть как не хочет оставлять Катю одну, а тем более в такое благодатное время, как конец мая — начало лета, когда душа зовет отрешиться от всего земного и окунуться с головой в реку Волгу где-нибудь в районе зеленых плавней Ахтубы.

Поехать на мировую ахтубскую рыбалку — это была заветная мечта Драгоценного и его закадычного друга детства Сергея Мещерского. Об этом велись у них нескончаемые душевные беседы зимой за кружкой пива. Катя о рыбалке на какой-то там плавучей базе в качестве отпуска и слышать не хотела. Но слишком быстро поняла, что бороться с мечтой, с заветным желанием мужа и его дружка детства ей не по силам. Кто одолеет мечту? Никто. Может быть, только другая, более сильная, еще более заветная мечта.

И надо же было так случиться, что Драгоценный улетел в Пермь, а через два дня после его отбытия у Кати на работе произошло именно это — четыре трупа в сауне на территории бывшего порохового завода и еще один в Мамонове-Дальнем на территории заповедника. И все это всего за одни дежурные сутки.

Подобного в Подмоскowie не было никогда — и в этом с Катей соглашались почти все, с кем ей удалось пообщаться на местах обоих происшествий. Такого не было никогда. В этой чертовой бане неясным осталось, даже после многочасового осмотра, самое главное — что же это, в конце-то концов, — групповое самоубийство или же...

Трупов повешенных Катя не видела. Их уже увезли в морг на срочное вскрытие. Вопросов Колосову не задавала — он просил пока оставить его в покое. Молча следила за тем, что он делал. А делал он следующее: весьма долго и тщательно осматривал вместе с экспертами вытасченный из бассейна мокрый надувной матрас-кровать. Почти весь воздух из него уже успел выйти, и он был похож на оболочку гигантского плода, лишённого мякоти. На этой оболочке эксперты пытались отыскать пригодные для идентификации отпечатки пальцев. Катя после того, как они закончили, украдкой прикоснулась к вешдоку — надувная кровать была сделана из синтетического материала, бархатистого и мягкого на ощупь. Наверное, спать на ней было удобно. Но кто и для чего приволок эту штуковину в сауну? Плавать на ней в бассейне, как на надувном матрасе, было невозможно — в надутом состоянии кровать занимала почти всю площадь бассейна. Колосов кивком указал Кате на небольшое продольное отверстие — найти его в складках оболочки было непросто. Эксперт определил, что отверстие это не что иное, как след от ножевого пореза. Получалось, что кто-то полоснул по надувному боку матраса ножом — и опять же непонятно, с какой целью. Просто для того, чтобы повредить эту дорогую новинку — любимый товар телемагазина?

Покончив с этой непонятной уликой, Колосов перешел к осмотру вещей погибших. Их уже осматривал сле-

дователь прокуратуры и оперативники из отдела убийств, работавшие в отсутствие своего начальника. Вещи — одежда, обувь, спортивные сумки — были аккуратно разложены на столе в холле-предбаннике. Вроде бы ничего необычного — добротные мужские вещи хороших европейских марок. Четыре пары обуви, два кожаных портмоне, две визитки — обе с ключами, две вместительные спортивные сумки «Пума» и «Рибок», один спортивный рюкзак — яркий, новый, четыре пары мужских носков, футболки, нижнее белье, две пары солнцезащитных очков — и нигде никаких документов: ни паспортов, ни водительских удостоверений, ни страховых карточек — ничего. Не было среди вещей и мобильных телефонов — словно кто-то специально изъясил их, обрывая все нити, все связи, по которым можно было бы установить личности повешенных.

И все же одну зацепку — важную — Колосов отыскал. Катя наблюдала, как он осматривает сумки, шарит в карманах спортивных брюк, толстовок и олимпийек. Его внимание привлекла сложенная вчетверо бумажка, засунутая глубоко в боковой карман рюкзака — видимо, следовательно прокуратуры просто не обратил внимания на этот потайной карманчик. Колосов расправил находку — это был медицинский рецепт. Катя, заглянув в него, сумела разобрать лишь то, что это рецепт на винпоцетин, выписанный на имя Федай В.В., — треугольный штамп поликлиники внизу был смазанным, нечетким.

На этом медицинская тема не кончилась — со дна одной из сумок Колосов извлек пластиковый пузырек, на этикетке которого шариковой ручкой было коряво написано: «Витамин В₃ — разовая доза 4—5».

Вещи, несомненно, хранили отпечатки своих владельцев, но пока еще было неясно, что из вещей конкретно кому принадлежит.

Судя по всему, предстоял долгий поиск. Когда Катя вместе с оператором собралась уезжать, этот поиск был только в самом начале — Катя слышала, как Колосов звонил в главк, просил сотрудника срочно пробить данные

по Федаю В.В. Возможно, эту фамилию носил один из повешенных — вот только кто из четверых? Оставалось только надеяться на удачу, ведь фамилия довольно редкая.

Катя с тоской подумала: а что, если бы рецепт на лекарство винпоцетин был выписан на фамилию Иванова? «Нет, я не буду, я прекращаю, я уже прекратила думать об этом сегодня, — внушала она себе дома, в ванной, выливая на голову сразу полбутылки цитрусового французского шампуня. — Я подумаю об этом завтра. Я подумаю об этом завтра. А сейчас спать — и никаких кладбищ, никаких ножевых ранений, никаких рецептов, никаких мертвецов».

Завтра был выходной день — суббота. Но вместе с первой в этом сезоне грозой она принесла с собой такие события, что думать о чем-то, кроме них, Катя на какое-то время просто лишилась способности.

Глава 7

В НОЧЬ НА ПЕРВОЕ ИЮНЯ

И надо же было так случиться, что в тот памятный поздний вечер — вечер субботы — перед тревожным звонком Кати Сергей Мещерский как раз целиком был погружен в мечты. Бывает так в выходные, особенно если вы молоды, одиноки, если вернулись наконец домой после долгих странствий, где видели немало нового и любопытного. Дела туристической фирмы «Столичный географический клуб», совладельцем которой являлся Мещерский, в последнее время заставляли его по несколько месяцев проводить за границей — в Таиланде, Индии, Непале. Фирма традиционно специализировалась на экстремальных экзотических путешествиях и активно осваивала все новые и новые маршруты — в Лахор, Кашмир, Бутан, в западную Бенгалию, Раджастан и Бангладеш. Март Мещерский провел с экспедицией в Лахоре, а в конце апреля слетал на остров Пхукет, чтобы убедиться лично, в каком

состоянии находится знаменитый тайский курорт после цунами и есть ли вообще смысл заключать с местными отелями контракты на ближайшее будущее.

«Пляжников»-туристов, честно признаться, Мещерский просто не переваривал, но где было найти столько экстремалов, мечтавших о путешествиях в Тибет и в Гималаи, столько спелеологов, альпинистов, уфологов, ре-рихианцев и рокеров, жаждущих неизведанного и вместе с тем способных выложить за экотур в Индокитай две-три тысячи баксов? А «Столичному географическому клубу» надо было как-то выживать в жестокой конкурентной борьбе. Поэтому его основателю и совладельцу Сергею Мещерскому приходилось скрепя сердце терпеть и оголтелых пляжников — москвичей, волгарей и сибиряков, этих детей зимы, стосковавшихся по южному солнцу, и желавшую исключительно крутого «отвяза» братву из Хабаровска и Красноярска, признававшую отдых только в тайских массажных салонах с девочками, и разных сумасшедших, «открывших» вдруг у себя «экстрасенсорные способности» и рвущихся во что бы то ни стало приобщиться к тайнам аюрведы и тибетской медицины.

Все это приходилось терпеть. Но, к счастью, все это с лихвой компенсировали чудеса — процессия слонов, случайно увиденная из окна джипа на улицах Дели, фантастический восточный базар в Карачи, крики обезьян и павлинов за затянутыми сетками окнами маленького отеля в Удайпуре, ветер, приносящий с Сионийских гор пряные ароматы джунглей, и великая река Брахмапутра, по которой так и подмывало отправиться в плавание на личном теплоходе магараджи княжества Бунди, который по молодости лет учился в СССР и — вот совпадение — был вашим закадычным однокашником по Институту имени Лумумбы.

И надо же было такому случиться, что в этот вечер — вечер субботы, ставший своеобразным мостом ко многим ужасным и трагическим событиям, о которых так хотелось забыть поскорее, Мещерский находился в состоянии полной нирваны. Попросту говоря, валялся перед те-

левизором на обломовском кожаном диване после солидной субботней порции армянского коньяка. Лежание было вызвано отнюдь не ленью, а безмерной усталостью. Всю субботу Мещерский как пчела трудился по дому. Пылесосил, как бобик, вытирал вековые залежи пыли, жарил куренка в духовке и, как проклятый, как раб, крутил белье в допотопной стиральной машине, в сотый уже, наверное, раз давая себе слово купить продвинутый «автомат» с сушилкой, отжималкой, полоскалкой, программным управлением и прочими полезными в хозяйстве прибамбасами. Но в том, что он весь выходной был сам себе домработник, Мещерский не признался бы даже под угрозой расстрела — особенно другу Вадиму Кравченко и особенно его жене Кате, Катюше...

«Жениться тебе, Сережечка, надо, — твердила она все чаще, все мягче и все деликатнее, — пора... Ну, хочешь, я с Ниной поговорю, а? Ты ведь помнишь Нину? Она так похорошела, и детеныш у нее немножко подрос — такой забавный, он тебе обязательно понравится. Ты ведь детей любишь, я знаю. Ну, хочешь, я с ней завтра же этот вопрос провентилирую?» Мещерский на это отвечал с детским простодушием: «Какой вопрос?» Катя лукаво умолкала. А ее муж, друг детства и собрат по духу — мужскому, корпоративному, Вадим Кравченко, противно и очень многозначительно хмыкал. И тут же вспоминал давнего институтского кореша Витюху Мамурина, который жил себе преспокойненько тридцать лет и три года и вдруг бац! — женился. «Да, — повествовал Кравченко, щурясь, как кот, — женился Витюха наш, а что из этого вышло? Помнишь, Серега, что вышло?»

Мещерский помнил — собственно, не вышло у Витюхи Мамурина ни шиша. Был суд и развод через пару лет. Мамурин жены своей бывшей не любил никогда. Сам в этом потом признавался. Не любил, как Данте любил Беатриче и как счастливец Коля Остен-Бакен любил нежную Ингу Зайонц. А женился, оказывается, так — от скуки и по глупости, по совету друзей и по настоящему пустому словечку «пора». Мещерский сравнивал себя с Ма-